

В. А. Лукина

КОМУ «ЖАЛ» БАШМАК ГОГОЛЯ?¹

Будучи современником Гоголя, неоднократно встречаясь с ним на протяжении 1830-х — начала 1850-х годов, Тургенев в ряде статей, писем и очерков оставил нам яркий образ одного из величайших русских писателей XIX столетия. Восхищение мастерством Гоголя, тонкое понимание его особенного юмора, чрезвычайно высокая оценка его роли и места не только в истории русской литературы, но и вообще в русской истории (достаточно вспомнить сравнение Гоголя с Петром Великим, одним из любимых исторических персонажей писателя²) соседствуют

¹ Ряд положений статьи был озвучен в виде доклада на коллоквиуме «Le gire de Gogol, le gire de Tourguéniev», приуроченном к 200-летию со дня рождения Н. В. Гоголя и прошедшем в Париже в апреле 2009 г. В сокращенном виде опубликован: http://www.tourgueniev.fr/actes_du_colloquegt.pdf.

² См., напр., в письме к П. Виардо от 21 февраля (4 марта) — 4 (16) марта 1852 г.: «Для нас он был не просто писатель: он нам открыл нас самих; он во многих отношениях был для нас продолжателем Петра Великого» (*ИССиП(2). Письма*. Т. 2. С. 122. Подлинник по-франц.). Почти два года спустя, уже после возвращения из Спасской ссылки, он конкретизирует эту мысль в разговоре с П. А. Васильчиковым, записавшим с его слов в дневнике: «Тургенев выразил, мне кажется, довольно верную мысль, именно ту, что Гоголь есть произведение в некотором отношении Петра I; потому что самые характеры, которые жи-

у Тургенева с рядом признаний, позволяющих говорить о серьезных противоречиях между двумя писателями по многим вопросам. Возможно, наиболее концентрированно суть их можно выразить в виде вопроса: в чем видел Тургенев «противовесие гоголевскому направлению», о необходимости которого он писал В. П. Боткину 17 (29) июня 1855 года? «...Я первый знаю, où le soulier de Gogol blesse <где жмет башмак Гоголя. — франц.>», — признавался Тургенев в том же письме.³ Так почему же «башмак Гоголя» был тесен Тургеневу?

Приступая в конце 1860-х годов к написанию своих воспоминаний, которые должны были охватить «четверть века» его литературной деятельности, Тургенев, как видно из сохранившегося плана, изначально предполагал посвятить отдельную главу Гоголю.⁴ Очерк, получивший в окончательной редакции заглавие «Гоголь» с подзаголовком «Жуковский, Крылов, Лермонтов, Загоскин», был предположительно задуман в конце 1868 года, однако о хронологии и истории работы над ним известно сравнительно мало. В письмах к друзьям и знакомым писатель неоднократно признавался, с каким трудом продвигались его «Воспоминания» в целом, — и очерк о Гоголе, по всей видимости, не был исключением.

Это подтверждает и обильная правка чернового автографа, свидетельствующая о большом значении, которое Тургенев придавал месту Гоголя в контексте всего замысла, и о тщательности работы писателя над портретом Гоголя, о стремлении максимально точно и достоверно передать свои впечатления от встреч с человеком, сыгравшим значительную роль в его собственной литературной судьбе. Не случайно имя Гоголя появляется практически во всех очерках, составлявших первоначально цикл «Литературных и житейских воспоминаний», начиная с «Литературного вечера у П. А. Плетнева», «Воспоминаний о Белинском» и заканчивая «Поездкой в Альбано и Фраскати». И действительно, прежде всего следует признать, что именно Гоголь оказал решающее воздействие на жизнь и творчество начинающего писателя.

Драматично, хотя и не без доли комизма закончилось первое «свидание с Гоголем», относящееся ко времени обучения Тургенева в Петербургском университете, где Гоголь читал курс лекций по древней и средневековой истории. Сам Тургенев в воспоминаниях лишь мельком упоминает об этом эпизоде своей биографии, сосредоточив основное внимание на том разительном контрасте, который представлял про-

---

вут в его повестях, могут только быть произведением того насильственного перелома, который Петр I произвел в России, потому что, может быть, гоголевское направление в литературе есть бессознательно противодействие всему дурному, принесенному без сомнения благодетельною реформою Петра» (см.: Тургенев о революционном Париже 1848 г. Из дневниковых записей П. А. Васильчикова, 1853–1854 гг. / Публ. Л. М. Долотовой // *ЛН*. Т. 76. С. 350. Запись от 30 декабря 1853 г.).

³ *ПССиП(2)*. Письма. Т. 3. С. 34.

⁴ О творческой истории очерка о Гоголе см. преамбулу Л. Н. Назаровой: Там же. *Соч.* Т. 11. С. 354–357, а также вступительную статью ко всему циклу: Там же. С. 322–323.

фессор истории «Гоголь-Яновский» «с писателем Гоголем, уже известным нам как автор „Вечеров на хуторе близ Диканьки”». ⁵ Между тем, как замечает В. А. Громов, именно экзамен по истории средних веков стал причиной того, что Тургенев вышел в 1836 году из университета в звании действительного студента, а не кандидата и вынужден был в течение следующего года продолжить посещение лекций, а затем повторно «подвергнуться испытанию» для получения кандидатской степени. ⁶ Тургенев рисует Гоголя с юмором, почти с гоголевским комизмом, подмечая нелепые черты своего «учителя», который, кажется, мало чему смог научить своих слушателей.

Нет сомнения, что именно Тургенев выступит в середине 1840-х годов в качестве инициатора перевода произведений Гоголя на французский язык с целью распространения их в Европе и фактически осуществит перевод большей части повестей, вошедших в сборник «Nouvelles russes de Nicolas Gogol», вышедший в Париже в 1845 году (с обозначением имени Луи Виардо на титульном листе как переводчика). ⁷ Появление этой книги, выдержавшей в дальнейшем несколько переизданий, имело широкий резонанс не только в русском, но и во французском обществе (а впоследствии и в других европейских странах, знакомившихся с творчеством Гоголя по удачному французскому переводу). Значение «Русских повестей Николая Гоголя» очень точно сформулировал Белинский, отметив, что благодаря этому переводу «талант Гоголя получил европейскую известность». ⁸ И хотя на самом деле до «европейской известности» Гоголю было далеко (скорее Тургенев стал первым известным русским писателем в Европе), важно отметить, что стремление молодого писателя выдвинуть Гоголя в первый ряд русских писателей целиком совпадало со стремлением Белинского, ставшего главным «пропагандистом» Гоголя в России.

Нельзя не согласиться с М. П. Алексеевым, впервые обратившим внимание на то, что перевод повестей Гоголя имел немалое значение в истории творческого развития самого Тургенева, в значительной сте-

⁵ ПССиП(2). Соч. Т. 11. С. 67.

⁶ Громов В. А. Гоголь и Тургенев // Т Сб. Вып. 5. С. 354.

⁷ Новые сведения об этом эпизоде творческого сотрудничества Тургенева и Луи Виардо см.: Генералова Н. П. И. С. Тургенев: Россия и Европа. Из истории русско-европейских литературных и общественных отношений. СПб., 2003. С. 84–89.

⁸ См.: Белинский В. Г. Петербургский сборник, изданный Н. Некрасовым // Белинский. Т. 9. С. 567. Еще ранее Белинский горячо приветствовал появление французского перевода пяти повестей Гоголя в небольшой статье «Перевод сочинений Гоголя на французский язык», появившейся в декабрьском номере «Отечественных записок» за 1845 г. В ней он дал высокую оценку самому переводу и с удовлетворением констатировал, что «повести Гоголя с честью выдержали перевод на язык народа, столь чуждого нашим коренным национальным обычаям и понятиям, и сохранили свой отпечаток таланта и оригинальности» (Там же. С. 369). Здесь же, опираясь, очевидно, на сведения, полученные от Тургенева, он сообщал о «необыкновенном успехе», который этот перевод имел во Франции. В дальнейшем на страницах «Отечественных записок» Белинский еще не раз вернется к «Русским повестям Николая Гоголя», вступив, в частности, в острую печатную полемику с Ф. В. Булгариным и Н. И. Гречем.

пени подготовив переход «от лирической поэзии к прозаической повести». «Труд над переводом Гоголя, — отмечал ученый в своей фундаментальной статье „Тургенев — пропагандист русской литературы на Западе“, — привлек внимание Тургенева к языку Гоголя, подчеркнул специфику его речевых конструкций, ввел во все тайны его стилистического мастерства. <...> существенно, что вопросы о „переводимости“ гоголевского текста на иностранные языки, о национальных и общеевропейских качествах прозаического стиля и т. п. занимали Тургенева несколько лет и не потеряли для него значения еще и тогда, когда созданы были многие рассказы „Записок охотника“». ⁹ Остается только сожалеть, что это тонкое наблюдение не получило дальнейшего развития в тургеневедении, а деятельность Тургенева-переводчика остается до сих пор практически неизученной.

Примечательно, что предпринятый Тургеневым перевод Гоголя на французский язык (Гоголь был хорошо знаком с откликами на него во французской прессе, в частности с чрезвычайно благожелательной статьей Сент-Бёва) имел некоторое отношение и к истории его личного знакомства с писателем. ¹⁰ По воспоминаниям М. С. Щепкина, благодаря усилиям которого 21 октября (1 ноября) 1851 года состоялось личное знакомство Тургенева с Гоголем, Гоголь встретил их «весьма приветливо; когда же Иван Сергеевич сказал Гоголю, что некоторые произведения его, переведенные им на французский язык и читанные в Париже, произвели большое впечатление, Николай Васильевич заметно был доволен и с своей стороны сказал несколько любезностей Тургеневу». ¹¹ Благожелательное отношение Гоголя к молодому писателю (известное также по письмам Гоголя, например к П. В. Анненкову), с произведениями которого он был, несомненно, знаком, сквозит и в воспоминаниях самого Тургенева: «Увидев нас со Щепкиным, он с веселым видом пошел к нам навстречу и, пожав мне руку, промолвил: „Нам давно следовало быть знакомыми“». ¹² После визита к Гоголю в письмах к московским друзьям Тургенев неизменно передает поклонны Гоголю «от имени одного из самых малых учеников его» и интересуется ходом работы над продолжением «Мертвых душ». ¹³

Сведения об этой встрече приводит в своих воспоминаниях А. О. Смирнова-Россет: «Тургенев был у Гоголя в Москве, тот принял его радушно, протянул руку, как товарищу, и сказал ему: „У вас есть та-

---

⁹ Алексеев М. П. Тургенев — пропагандист русской литературы на Западе // Алексеев М. П. Русская литература и ее мировое значение. Л., 1989. С. 277. Впервые эта статья, где впервые убедительно доказывается исключительная роль Тургенева как переводчика «Nouvelles russes», была опубликована еще в 1948 г.

¹⁰ На это впервые указал М. П. Алексеев, см.: Алексеев М. П. Тургенев — пропагандист русской литературы на Западе. С. 276.

¹¹ См.: Щепкин М. А. М. С. Щепкин. 1788—1863 гг. Записки его, письма, рассказы, материалы для биографии и родословная. СПб., 1914. С. 374.

¹² ПССуП(2). Соч. Т. 11. С. 57.

¹³ См., напр., письма к М. П. Погодину от 4 (16) декабря 1851 г. и к И. С. Аксакову от 31 декабря 1851 г. (12 января 1852 г.).

лант, не забывайте, что талант есть дар Божий и приносит десять талеров за то, что Создатель вам дал даром. Мы обнищали в нашей литературе, обогатите ее. Главное — не спешите печатать, обдумывайте хорошо. Пусть скорее создастся повесть в вашей голове и тогда возьмитесь за перо, марайте и не смущайтесь. Пушкин беспощадно марал свою поэзию, его рукописей теперь никто не поймет, так они перемараны”». ¹⁴ Несмотря на то, что работа Смирновой-Россет над «Воспоминаниями о Н. В. Гоголе» относится к 1877 году, т. е. к тому времени, когда воспоминания Тургенева уже вышли в свет, ряд сообщенных мемуаристкой подробностей заслуживает внимания. Любопытно, например, ее замечание о том, что Гоголь «не любил Georges Санда» и «сердился, когда ему говорили, что „Бежин луг” и „La petite Fadette” схожи». ¹⁵

Очерк о Гоголе начинается с описания уже упоминавшегося памятного для Тургенева посещения писателя в сопровождении Щепкина, которое состоялось в Москве незадолго до смерти Гоголя. За несколько дней до этой встречи Тургенев также мельком видел Гоголя на представлении «Ревизора» в Малом театре, где его «поразила перемена», произошедшая в авторе «Мертвых душ» с тех пор, как он видел его в последний раз — в 1841 году. В восприятии Тургенева Гоголь предстает перед нами в этот момент «худым и испытанным человеком, которого уже успела на порядках измыкать жизнь». «Какая-то затаенная боль и тревога, — отмечает Тургенев, — какое-то грустное беспокойство примешивались к постоянно пронизательному выражению его лица». ¹⁶

Это первое впечатление «усталости, болезненного, нервического беспокойства», по-видимому, было во многом предопределено последними событиями в жизни Гоголя — прежде всего литературным фиаско «Выбранных мест из переписки с друзьями»; последовавшим за ним знаменитым письмом Белинского, получившим широкое распространение в списках и столь огорчившим писателя; раздражавшим его нетерпеливым требованием публики второго тома «Мертвых душ» и т. д. В ходе встречи первое впечатление лишь усугубилось. Не случайно Тургенев упоминает о том, что он ехал к Гоголю «как к необыкновенному, гениальному человеку, у которого что-то тронулось в голове...», и добавляет, что таково было общее мнение. ¹⁷

Вглядываясь в черты Гоголя, Тургенев отмечает его сохранившие «еще цвет молодости» белокурые, но «заметно» поредевшие волосы; «покатый, гладкий, белый» лоб, от которого «по-прежнему так и веяло умом»; «небольшие карие глаза», в которых «искрилась по временам веселость», но взгляд которых вообще «казался усталым».

¹⁴ Смирнова-Россет А. О. Дневник. Воспоминания / Изд. подготовила С. В. Житомирская. М., 1989. С. 69 (Лит. памятники).

¹⁵ Там же.

¹⁶ ПССиП(2). Соч. Т. 11. С. 57.

¹⁷ Там же. С. 58.

Стремясь к предельной объективности, Тургенев намеренно не зашевеливает «невыгодные» черты в его облике: он не забывает упомянуть «длинный, заостренный нос», придававший «физиономии Гоголя нечто хитрое, лисье», «нехороший ряд зубов», «маленький подбородок», «одутловатые, мягкие губы под остриженными усами», в «неопределенных очертаниях» которых «выражались — так по крайней мере мне показалось — темные стороны его характера». Зоркий взгляд художника подмечает также что-то «учительское» в осанке и телодвижениях Гоголя («что-то напоминавшее преподавателей в провинциальных институтах и гимназиях»). «Какое ты умное, и странное, и большое существо!» — такими словами заключает он свой портрет.

Яркое впечатление от «тонких и верных замечаний» Гоголя по поводу «физиологии сочинительства» сменяется недоумением, вызванным «затхлыми и пресными» «измышлениями и рассудительствами» Гоголя о необходимости цензуры, в которых, по словам Тургенева, проступали «самодовольное смирение и плутовство рабства».

Эту двойственность в личности Гоголя Тургенев отмечает и в таланте писателя. Автор «Ревизора», «Мертвых душ» и «Миргорода», которые Тургенев «чуть не знал наизусть», резко противопоставлен автору «Переписки с друзьями», отталкивающей «противной смесью гордыни и подыскивания, ханжества и тщеславия, пророческого и прихлебательского тона». «Вообще я скоро почувствовал, что между миросозерцанием Гоголя и моим — лежала целая бездна, — пишет Тургенев. — Не одно и то же мы ненавидели, не одно любили; но в ту минуту — в моих глазах всё это не имело важности. Великий поэт, великий художник был передо мною, и я глядел на него, слушал его с благоговением, даже когда не соглашался с ним».¹⁸

Несмотря на то, что воспоминания о Гоголе создавались более пятнадцати лет спустя после описываемых в них событий и все вышеприведенные высказывания носят ретроспективный характер, в целом впечатления Тургенева от встречи с Гоголем они, по-видимому, передают верно.

Вскоре после знакомства Тургенев окажется в центре событий, развернувшихся за кончиной знаменитого писателя. Трагическая смерть Гоголя, последовавшая 21 февраля (4 марта) 1852 года в Москве, глубоко потрясла Тургенева и заставила его по-новому взглянуть на значение писателя в истории русской литературы. 13 марта 1852 года в газете «Московские ведомости» появится некрологическая статья Тургенева, за которой последуют арест и Спасская ссылка.

Из воспоминаний о Гоголе следует, что о смерти писателя Тургенев узнал 24 февраля (7 марта) от И. И. Панаева на проходившем в Дворянском собрании утреннем заседании Общества посещения бедных.¹⁹ Од-

¹⁸ Там же. С. 59.

¹⁹ Со слов Тургенева эта версия зафиксирована и в «Летописи жизни и творчества И. С. Тургенева»: *Летопись (1818–1858)*. С. 196.

нако, по убедительному предположению Н. В. Измайлова, еще до этого заседания он уже получил несколько писем от московских друзей с сообщением о его смерти.²⁰ Это предположение основывается на дневнике А. В. Никитенко, который 24 февраля (7 марта) записал: «Сегодня получено известие о смерти Гоголя. Я был в зале Дворянского собрания на розыгрыше лотереи в пользу „Общества посещения бедных“; встретился там с Панаевым, и он первый сообщил мне эту в высшей степени печальную новость. Затем Тургенев, получивший письма из Москвы, рассказал мне некоторые подробности. Они довольно странны».²¹

Из упомянутых Никитенко писем нам известно лишь одно — это письмо В. П. Боткина к Тургеневу, написанное в день смерти Гоголя, в котором он подробно описал (полученные им со слов знакомых) последние дни и часы жизни Гоголя, а также сообщил об истреблении оставшихся у него бумаг. «Как бы там ни было, — заключал Боткин, — но смерть эта поражает своим необыкновенным характером. Во всем этом есть какая-то сила, сила индивидуальности, перед которою почтительно отступаешь. В этом человеке ничего не было половинчатого. Как глубоко въедался он в каждый создаваемый им образ, — так въелся он и в свою *idée fixe*, которая все усиливаясь, наконец задушила его».²²

Однако, как отметила вслед за Н. В. Измайловым Э. Г. Гайнцева, письмо Боткина было не единственным из полученных Тургеневым. Об этом свидетельствует то обстоятельство, что в нем отсутствуют «подробности» смерти Гоголя, изложенные со слов Тургенева в дневнике Никитенко. По всей видимости, они содержались в не дошедшем до нас письме Е. М. Феоктистова или кого-то еще из московских знакомых Тургенева, напр., Аксаковых.²³

Возвращаясь к дневнику Никитенко, необходимо отметить, что запись о Гоголе завершается словами, в которых выражалось, по всей видимости, общее настроение, установившееся в обществе после смерти Гоголя: «Как бы то ни было, а вот еще одна горестная утрата, понесенная нашей умственной жизнью, — и утрата великая! Гоголь много пробудил в нашем обществе идей о самом себе. Он, несомненно, был одною из сильных опор партии движения, света и мысли — партии послепетровской Руси. Уничтожение его бумаг прилагает к скорби новую скорбь».²⁴ В этом отклике отразились и впечатления, полученные в ходе разговора с Тургеневым.

²⁰ На это справедливо обратила внимание Э. Г. Гайнцева, см. ее вступительную статью к фундаментально подготовленной публикации писем Е. М. Феоктистова к Тургеневу: Письма Е. М. Феоктистова к И. С. Тургеневу (1851–1861) // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1998–1999 год. СПб., 2003. С. 141.

²¹ *Никитенко А. В.* Дневник: В 3 т. / Подготовка текста, вступит. ст. и примеч. И. Я. Айзенштока. Л., 1955. Т. 1. С. 345–346.

²² В. П. Боткин и И. С. Тургенев. Незданная переписка. 1851–1869 / Приготовил к печати Н. Л. Бродский. М.; Л., 1930. С. 20.

²³ См. об этом: Письма Е. М. Феоктистова к И. С. Тургеневу. С. 141.

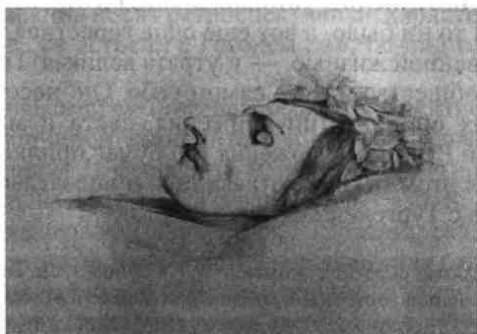
²⁴ *Никитенко А. В.* Дневник. Т. 1. С. 345–346.

Боль утраты, скорбь и стремление осознать причины, приведшие к подобному исходу, звучат практически во всех письмах Тургенева к друзьям. «...Я чувствую, — писал он Е. М. Феокистову 26 февраля (9 марта), — что в этой смерти этого человека кроется более, чем кажется с первого взгляда — и мне хочется проникнуть в эту грозную и горестную тайну. Меня это глубоко поразило — так глубоко, что я не помню подобного впечатления. <...> Тяжело, Феокистов, тяжело, мрачно и душно... Мне, право, кажется, что какие-то темные волны без плеска сомкнулись над моей головой — и иду я на дно, застывая и немея».²⁵

Тургенева интересуют малейшие подробности кончины Гоголя, которую он воспринимает как «историческое событие». Он, по собственному признанию, «с мучительной жадностью и ужасом» перечитывает присланные ему из Москвы сообщения друзей, ставших очевидцами трагедии.

Под «первым впечатлением» об этом «роковом» известии Тургенев пишет некрологическую статью о Гоголе. Эта «небольшая статья» — едва ли не самый сильный, эмоциональный отклик на смерть писателя.

«Гоголь умер! — писал в ней Тургенев. — Какую русскую душу не потрясут эти два слова? Он умер. Потеря наша так жестока, так внезапна, что нам всё еще не хочется ей верить».²⁶ Называя далее Гоголя «великим человеком», который «своим именем означил эпоху в истории нашей литературы», Тургенев не конкретизирует свой тезис, что, возможно, было вызвано соображениями цензурного порядка: «Не время теперь и не место говорить об его заслугах — это дело будущей критики; должно надеяться, что она поймет свою задачу и оценит его тем беспристрастным, но исполненным уважения и любви судом, которым подобные ему люди судятся перед лицом потомства; нам теперь не до того <...> не оценивать его нам хочется, но плакать <...>».²⁷

Гоголь на смертном одре
Из альбома М. П. Боткиной (ИРЛИ)

²⁵ ПССиП(2). Письма. Т. 2. С. 123–124.

²⁶ Там же. Соч. Т. 11. С. 64.

²⁷ Там же. С. 64–65.

В сохранившихся письмах этого времени Тургенев, однако, высказался более откровенно. Так, в известном письме к Полине Виардо, сообщая о смерти Гоголя как о «жестокой» и «невосполнимой» утрате, он открыто заявил о том, что значение Гоголя для русской литературы — и шире — для русского общества не исчерпывалось его достоинствами как просто высокоталантливого писателя. «Для нас он был не просто писатель, — писал Тургенев, — он нам открыл нас самих; он во многих отношениях был для нас продолжателем Петра Великого. <...> надо быть русским, чтобы это почувствовать».²⁸ Не случайно здесь же Тургенев вступает в полемику с П. Мериме, опубликовавшим незадолго перед тем статью о писателе.²⁹ Основной упрек Тургеневу состоял в том, что Мериме увидел в Гоголе «только юмориста английского типа» и не сумел осознать «его историческое значение» для России.³⁰

Высказанная в этом письме оценка творчества Гоголя переключается с тем, что Тургенев ранее писал в опубликованной им на французском языке статье «De la littérature russe contemporaine», вышедшей анонимно в 1845 году в газете «Illustration».³¹ В ней он назвал Гоголя «самым знаменитым, самым влиятельным писателем» во всей России, который «произвел полный переворот в литературе своего отечества» и «которому больше всего подражают». Появившись в «пору смятения и тревоги», в тот период русской литературы, который Тургенев позже назовет господством «ложновеличавой школы», талант Гоголя, по его словам, «привлек к себе всеобщее внимание» «силой и естественностью» красок, «богатым комизмом», «тонкой наблюдательностью» и простодушной оригинальностью». Размышляя о сильных сторонах дарования Гоголя, Тургенев особо выделил его «неистощимый комический дар» и «прикрываемую добродушием» иронию: «...он обладает своеобразным юмором, свойственным ему одному и отмеченным тем отпечатком глубокой грусти, которую всегда найдешь на дне славянской души».

²⁸ Там же. *Письма*. Т. 2. С. 122–123. Подлинник по-франц.

²⁹ Большая статья П. Мериме «Николай Гоголь („Русские повести“. — „Мертвые души“. — „Ревизор“)), содержащая достаточно поверхностную оценку таланта Гоголя, появилась в ноябре 1851 г. в журнале «Revue des Deux Mondes» и через год была переиздана в сборнике «Новелл» французского писателя.

³⁰ «...Я убежден, — писал в начале своей статьи Мериме, — что г-н Гоголь, романист и драматург, заслуживает особой статьи; только малораспространенный язык, на котором он пишет, мешает ему достигнуть в Европе славы лучших английских юмористов. Будучи тонким, порой даже дотошным наблюдателем, умея подмечать и смело выставлять смешные стороны, склонный, однако, к преувеличениям, доходящим до шутовства, г-н Гоголь прежде всего яркий сатирик» (*Мериме П. Статьи о русской литературе / Изд. подготовил А. Д. Михайлов. М., 2003. С. 11*).

³¹ Несмотря на то, что в Полном собрании сочинений и писем эта статья помещена лишь в раздел «Dubia», у большинства исследователей принадлежность ее Тургеневу не вызывает сомнений. Об истории атрибуции этой статьи и дополнительные аргументы в пользу авторства Тургенева см.: *Генералова Н. П. И. С. Тургенев: Россия и Европа. С. 89–92*.

Завершая анализ, Тургенев перечислил те «разнообразные, но родственные качества», которые, по его мнению, «обусловили влияние Гоголя и поставили его на первое место среди современных писателей». Это «сознательный отказ от всякой высокопарности, от всякого литературного шарлатанства, широкая и спокойная манера воспроизведения современного состояния России, умение говорить о положительных сторонах без энтузиазма и о дурных — без негодования», а также «величайшая способность создавать типы, искусство вдыхать жизнь во все описания вещей и людей».³² Цитируемая статья, заметим, создавалась до выхода в свет «Выбранных мест из переписки с друзьями», вызвавших резкое неприятие Тургенева. Она во многом объясняет, почему Тургенев, не раз называвший себя «поклонником и малейшим последователем Гоголя», в дальнейшем будет неустанно говорить о необходимости возвращения в русскую литературу «пушкинского элемента, в противовесие гоголевскому».

Еще одним поводом вернуться к вопросу об историческом значении Гоголя станет вышедшая в третьей и четвертой книжках «Библиотеки для чтения» за 1855 год статья А. В. Дружинина «А. С. Пушкин и последнее издание его сочинений».³³ Высоко оценивая творческое наследие Пушкина, Дружинин противопоставит его тому «излишне реальному», «сатирическому направлению» в текущей словесности, к которому привело «неумеренное подражание Гоголю», и заговорит о необходимости реакции, активного ему противодействия: «Что бы ни говорили пламенные поклонники Гоголя (и мы сами причисляем себя не к холодным его читателям), нельзя всей словесности жить на одних „Мертвых душах“». Нам нужна поэзия. Поэзии мало в последователях Гоголя <...> Самое это направление не может назваться натуральным, ибо изучение одной стороны жизни не есть еще натура. Скажем нашу мысль без обиняков: наша текущая словесность изнурена, ослаблена своим сатирическим направлением».³⁴ В подкрепление своей мысли, не скрывая имени, Дружинин приведет высказывание Тургенева о сущности дарования Пушкина: «Если б Пушкин прожил до нашего времени <...> его творения составили бы противодействие гоголевскому направлению, которое, в некоторых отношениях, нуждается в таком противодействии».³⁵

Появление статьи Дружинина вызвало незамедлительный отклик Тургенева, прочитавшего ее, по собственным словам, «с величайшим наслаждением».³⁶ В письме к В. П. Боткину от 17 (29) июня 1855 года он назовет ее «лучшей вещью, написанной Дружининым»: «Благород-

³² ПССиП(2). Соч. Т. 12. С. 514–515.

³³ БДЧ. 1855. Т. 130. Март–апрель. Отд. III–IV (Науки и искусства). С. 41–104.

³⁴ Дружинин А. В. Литературная критика / Сост., подготовка текста и вступит. ст. Н. Н. Скатова. М., 1983. С. 60–61.

³⁵ Там же. С. 60.

³⁶ Необходимо отметить, что именно Боткин выслал Тургеневу статью Дружинина в начале июня ст. ст. 1855 г. (письмо не сохранилось), а потом живо интересовался впечат-

но, тепло, дельно и верно». Единственным вопросом, в отношении которого взгляды Дружинина и Тургенева радикально разойдутся, станет вопрос о Гоголе. Упрекая Дружинина (вслед за Мериме) в нежелании замечать «историческое значение Гоголя»,³⁷ Тургенев пишет Боткину: «Но опять-таки в отношении к Гоголю он не прав... То есть — в том, что он говорит, он совершенно прав — но так как он *всего* сказать не может — то и правда выходит кривдой. — Бывают эпохи, где литература не может быть *только* художеством — а есть интересы высшие поэтических интересов. Момент самопознания и критики так же необходим в развитии народной жизни, как и в жизни отдельного лица <...>».³⁸

Как видно из переписки Боткина с Дружининым, Боткин передал ему эти слова Тургенева³⁹ и они не оставили его равнодушным. Благодаря Боткина за «выписку» из приведенного выше письма Тургенева, Дружинин замечал: «...вы знаете, до какой степени я его <Тургенева. — В. Л.> люблю и как мне дорого его доброе мнение, хоть он, черт его возьми, иногда и хвалит *писунов* вроде знаменитого Леонтьева. Несмотря на наши частые с ним сношения мы оба до сих пор в литературном деле стояли боком друг к другу, он считал меня врагом Белинского и мерзостным оптимистом, а я, не имея дара развивать вполне своих идей в изустной беседе, только молчал. Приятно и по литературным вопросам сблизиться с человеком, которого любишь по сердцу».⁴⁰

Чрезвычайно высокий отзыв о «мастерской» статье Дружинина Тургенев повторит и в письме к нему от 10 (22) июля, подчеркнув, однако: «Насчет Гоголя — Вы знаете — я не совсем согласен с Вами <...>», — и пообещает вернуться к этому вопросу при личных свиданиях зимой в Петербурге.⁴¹ Осень и зима 1855/1856 г. действительно не раз предоставят им возможность «потолковать» о Гоголе и «гоголевском направлении» в русской литературе. «Наконец наш литературный круг так сблизился, что мы все почти не проводим дня, не повидавшись», — запишет в «Дневнике» Дружинин.⁴² В это время на квартире у Тургенева, часто у Некрасова или Краевского собирался весь цвет литературного Петербурга — Дружинин, Боткин, Панаев, Григорович, Писемский, Языков, Толстой, Гончаров, Дудышкин и многие другие.

лением, произведенным ею на писателя (см. письмо Боткина к Тургеневу от 14 июня 1855 г.: В. П. Боткин и И. С. Тургенев. Неизданная переписка. С. 53).

³⁷ См. письмо к П. В. Анненкову от 15 (27) июня 1855 г.: ПССиП(2). Письма. Т. 3. С. 33.

³⁸ Там же. С. 33–34.

³⁹ См. письмо Боткина к Дружинину от 27 июня 1855 г.: Письма к А. В. Дружинину (1850–1863) / Ред. и коммент. П. С. Попова. М., 1948. С. 35 (Летописи ГЛМ. Кн. 9).

⁴⁰ Там же. С. 38. Письмо от 23 июля ст. ст. 1855 г.

⁴¹ ПССиП(2). Письма. Т. 3. С. 42. Правда, не дождавшись личной встречи, которая состоится только в октябре, Тургенев в одном из следующих писем прояснит свою позицию (см. письмо от 20 сентября (1 октября) 1855 г.).

⁴² Дружинин А. В. Повести. Дневник / Изд. подготовили Б. Ф. Егоров, В. А. Жданов. М., 1986. С. 363 (Лит. памятники).

Можно лишь горько сожалеть, что содержание острых общественно-литературных споров, зачастую вспыхивавших во время этих встреч, остается нам неизвестным, но их отголоски сохранились в переписке и вылились впоследствии на страницы журналов.

Под впечатлением от отклика Тургенева Дружинин продолжает размышлять об идее «искусства для искусства»,⁴³ впервые открыто высказанной им в статье о Пушкине, и начинает «с жаром» обдумывать «будущую статью о Гоголе», которая, по-видимому, изначально задумывалась как своеобразный ответ Тургеневу (и лишь после выхода в свет «Очерков гоголевского периода русской литературы» Чернышевского приобрела окончательные очертания, став, по сути, манифестом «артистической» теории).

Так, 8 августа ст. ст. 1855 г. он записывает: «...я ехал от Трефорта и обдумывал то, что мог бы сказать я Тургеневу по поводу Гоголя. Около десяти лет копились во мне эти мысли <...>».⁴⁴ Из переписки Дружинина с Боткиным отчасти становится ясным характер его возражений Тургеневу.

Ознакомившись с вышедшими томами «Сочинений» Гоголя, а также с «Авторской исповедью» и второй частью «Мертвых душ», Боткин вновь возвращается к вопросу о целесообразности «гоголевского направления» в современной русской литературе. 6 августа ст. ст. 1855 года он взволнованно пишет Дружинину: «Нет, мы слишком поторопились решить, что гоголевское направление пора оставить в стороне, — нет и 1000 раз нет». «...Оно необходимо, — поясняет он далее, — для общественной пользы, для общественного сознания. Я не хочу этим сказать, чтобы задушевный взгляд Пушкина на русскую жизнь — был ненужным, — о, напротив! Но сохрани бог исключительно следовать одному из них».⁴⁵ Последние слова, как увидим, практически совпадают с тем, что Дружинину напишет Тургенев в письме от 20 августа (1 сентября).

Возражая Боткину (а вместе с ним и Тургеневу), Дружинин выскажется довольно резко. Назначение «гоголевского направления», которое он охарактеризует как «неодидактическое», по его мнению, сводится к «исправлению нравов и общества», а потому имеет лишь утилитарную, «житейскую» пользу. На этом основании он принципиально откажет ему в каком-либо значении для искусства, более того,

---

⁴³ «Пушкин, — писал в своей статье Дружинин, — более чем кто-либо из поэтов, умел примерять противоположности и становиться выше всех скоропреходящих вопросов об искусстве. <...> Сильный своими познаниями, убежденный в своей самостоятельности, смело и благородно смотря на жизнь во всем ее бесконечном разнообразии, поэт наш трудится, подобно истинному художнику в те минуты восторга, когда творец произведения становится сам себе лучшим судьей. Ни заданной мысли, ни стремления провести какую-нибудь отвлеченную теорию не встретите вы в его созданиях» (Дружинин А. В. Литературная критика. С. 58).

⁴⁴ Дружинин А. В. Повести. Дневник. С. 344–345.

⁴⁵ Письма к А. В. Дружинину. С. 37.

назовет его вредным. Видя в самом Гоголе «художника чистого», Дружинин настаивает, что «только его последователи сделали из него какого-то страдальца за наши пороки и нашего преобразователя». «...Горе тому, — заключает он, — кто захочет надеть ризу Гоголя и идти по его стопам из принципа, а не по своему дарованию! Le soulier de Gogol, говоря фразой Тургенева, nous blesse parce qu'il n'est pas pour notre pied <башмак Гоголя жмет, потому что он нам не по ноге. — франц.>, этого мы знать не хотим и потому страдаем».⁴⁶ Иными словами, чтобы следовать Гоголю, надо обладать его особым комическим даром, иначе комизм превращается в сатиру и обличительство, то есть в тенденцию. Особенно страшно подражательство Гоголю для «светлых» натур, родственных Пушкину.

Примечательно, что в первом ряду «пострадавших» он назовет Тургенева (заметим, речь идет о произведениях Тургенева, вышедших до 1855 г.): «Тургенева, например, Гоголь замучил, обессилил, стал ему поперек дороги. До сих пор ни в одной из своих вещей Тургенев не высказал сотой доли своей милой, светлой природы, так<ой> поэтической и так великолепно образованной. <...> а кто тому причиной? Наперекор своей любящей, незлобной натуре <...> Тургенев желает, во что бы то ни стало, быть обличителем общественных ран и карателем общественных пороков. Это ли его род, и из каких причин он не повинуется истинному призванию?».⁴⁷ Обосновывая далее настоятельную необходимость активного противодействия «гоголевскому направлению» в лице «молодого литературного поколения», «русских Бёрне и Гервегов» (то есть Чернышевского и Добролюбова), Дружинин укажет еще на одну опасность, которая для людей сороковых годов была далеко не прозрачной, — опасность усиления цензурного гнета.⁴⁸

В ответном письме Боткин, соглашаясь с Дружининым по принципиальному вопросу о вреде «дидактики» для искусства, выдвигает, однако, совершенно иную трактовку самого понятия «дидактизм». Он предлагает не ограничивать его только стремлением к исправлению общественных нравов, но — шире — подразумевать под ним любую попытку проводить какие-либо идеи в художественном произведении в ущерб поэтическому воспроизведению действительности. «По моему мнению, — настаивает он, — не направление делает произведение

⁴⁶ Там же. С. 41.

⁴⁷ Там же.

⁴⁸ «...Для этих заносчивых и неосторожных юношей, — едко заметит Дружинин, — Пушкин есть фетюк, Лермонтов — глупый офицер, литература наша начинается с одного Гоголя. Эти юноши жаждут попасть в русские Бёрне и Гервеги, презирая всю осмотрительность. Если мы не станем им противодействовать, они наделают глупостей, повредят литературе и, желая поучать общество, нагонят на нас гонение и заставят нас лишиться того уголка на солнце, который мы добыли потом и кровью!» (Там же). Впоследствии все эти положения Дружинин разовьет в своей статье «Критика гоголевского периода русской литературы и наши к ней отношения» (1856).

дидактическим, а тупая, мелкая мысль, придуманная мысль, резонерский ум, холодное чувство, бесталанность».⁴⁹

Исходя из этого, как только поэт (в широком смысле слова) выходит «из своего рода» и начинает морализировать или философствовать, он неизбежно «впадает в дидактику». Таким «дидактизмом», по мнению Боткина, порой «грешит в отношении к искусству» не только Гоголь (особенно в последних своих произведениях), но и великий Гёте.⁵⁰ В «невыносимом» дидактизме Боткин упрекает и последние произведения Жорж Санд, показывающие «решительную усталость» и «ослабление» ее таланта. Однако, пожалуй, наиболее ярко Боткин иллюстрирует свой тезис на примере Бёрне и Гервега. Отказывая им, а вместе с ними и всей «молодой Германии» в «поэтическом таланте», он замечает, что они «сильно захотели заменить его политическими идеями — этой могилой искусства».

Таким образом, Боткин признает, что дидактизм является «решительным признаком бездарности» и способен опознать любое направление, в том числе и «гоголевское», но он категорически возражает против их отождествления. «Я только в том смысле называю направление нашей литературы гоголевским, — пишет он, — что она, подобно ему, стремится воспроизводить действительность во всей ее реальности; но дидактизма я в ней пока не замечаю». И конкретизирует далее: «В гоголевском направлении русский человек впервые взглянул себе прямо в лицо, неприкрашенное разными европейскими косметиками. Но для этого нужна была гениальная зоркость взгляда, — главное качество отличающее великих умов». В этом Боткин видел главную заслугу Гоголя и «гоголевского направления», в этом же состояло, по его мнению, и принципиальное отличие этого направления от «пушкинского», у которого «зоркость взгляда была обращена только на внутренние явления чувства».⁵¹

Реакция Дружинина на это письмо неизвестна, но, судя по следующему посланию Боткина, он выдвинул новые контраргументы, оставшиеся Боткина, по его собственному признанию, «в неопределенности». «Мы живем в эпоху непомерного резонерства и необузданного стремления всё приводить в теории, — с горечью отозвался он. — Не положительность и материальность составляют болячку нашего времени, — а резонерство и тупая страсть к теориям и схемам. Они одни подтачивают современное поэтическое чувство: они убили талант Ж. Санда, убили талант Гоголя. Духовный горизонт человека перестал иметь простор и свободная игра фантазии стеснена разными всюду нас окружающими тенетами теорий, систем и резонерства».⁵²

⁴⁹ Там же. С. 39.

⁵⁰ Досталось от Боткина и Тургеневу: «Это правда, что Тургенева сбил с толку Гоголь, и мне всегда казалось, что направление, избранное Тургеневым, не соответствует вовсе его таланту. В том-то и беда, что Тургеневу недостает пока самости и смелости — этих вседневных признаков больших талантов. Сам он несравненно выше и лучше всего, что он до сих пор написал» (Там же).

⁵¹ Там же. С. 40.

⁵² Там же. С. 42.

Этот спор для нас особенно интересен тем, что дает возможность отчасти представить обстановку, в которой были задуманы и создавались две лекции о Пушкине и его значении в русской литературе, содержавшие подробную характеристику Гоголя. С чтением этих лекций Тургенев публично выступит в 1860 году. Хотя текст их неизвестен, об их содержании можно судить по нескольким фрагментам, включенным Тургеньевым впоследствии в «Воспоминания о Белинском». В них он попытается объективно взглянуть на историческое значение критической (в широком смысле слова) деятельности Белинского, Гоголя и Лермонтова, а также проанализировать влияние, оказанное ими на ход развития литературы и общества.

Признавая, что ниспровержение утвердившейся в эпоху 1830-х — начала 1840-х годов «риторической (или ложновеличавой) школы» (без которого нельзя было ожидать правильного и здорового развития нашей словесности) могло быть осуществлено только «совокупными усилиями» критики, полемики и сатиры, Тургенев укажет на несовместимость нового направления с «пушкинским». «Ясная, здравая» и в то же время «безличная», как пишет Тургенев, «художественность Пушкина» оказалась в определенный момент развития недостаточной для выражения идеала, которому служило новое направление «критики, полемики, сатиры». «Сила вещей сильнее всякой отдельной, личной силы — так же, как общее в нас сильнее наших собственных наклонностей. Время чистой поэзии прошло так же, как и время ложновеличавой фразы <...>».⁵³

Таким образом, Тургенев подчеркивает историческую обусловленность и закономерность произошедшего в литературе поворота от чисто эстетических к социально значимым интересам, связывая его с новыми потребностями общества, которое, будучи поражено «сознанием собственных недостатков», остро ощущало необходимость преобразования окружающей действительности. Но это не означало, что Тургенев-художник мог отказаться от какого-либо из «направлений», обозначенных в истории русской литературы как «гоголевское» и «пушкинское». В оценке Гоголя и Пушкина Тургенев не мог согласиться до конца ни с Чернышевским, ни с Дружининым.

«Но *оба* влияния, по-моему, необходимы в нашей литературе — пушкинское отступило было на второй план — пусть оно опять выступит вперед — но не с тем, чтобы *сменить* гоголевское. Гоголевское влияние и в жизни, и в литературе нам еще крайне нужно».⁵⁴ Вот почему в творчестве самого Тургеньева воплотились оба эти начала. «Чистейший лирик», оставивший русской литературе в наследие самые утонченные картины русской природы и создавший наиболее поэтические образы русских людей, в то же время нередко брал в руки бич сатиры и указывал обществу на недостатки, с которыми оно должно было бороться.

⁵³ ПССиП(2). Соч. Т. 11. С. 36–37.

⁵⁴ Там же. Письма. Т. 3. С. 55.